

АЗІАТСКІЙ СБОРНИКЪ

Изъ Извѣстій Россійской Академіи Наукъ

Новая серія

1919

MÉLANGES ASIATIQUES

tirés

du Bulletin de l'Académie des Sciences de Russie

Nouvelle Série

ПЕТРОГРАДЪ

PETROGRAD

Характеристика звукового состава въ казанскомъ говорѣ поволжеко-татарскаго языка въ соотношеніи съ звуковою системою общерусскаго языка¹.

(Діалектологическія замѣтки, X).

В. А. Богородицкаго.

(Представлено академикомъ А. А. Шахматовымъ въ засѣданіи Общаго Собранія Смита 1919 г.).

Изучать фізіологически звуковой составъ языка можно не только исключительно въ немъ, но и сравнительно съ другими языками, при чемъ послѣдній способъ можетъ между прочимъ пригодиться для орографіи заимствованныхъ словъ. Я имѣю въ виду представить характеристику звуковъ татарскаго языка въ соотношеніи съ соответствующими русскими, пользуясь слѣдующимъ порядкомъ изложенія: а) гласные ударяемые, б) гласные неударяемые, в) согласные звуки.

а) Ударяемые гласные.

1) Въ отношеніи временной *длительности* ударяемые гласные татарскаго языка распадаются на двѣ категоріи: *болѣе длительные*—а, ä, і, у, ӯ, ы, *болѣе краткіе*—о, ö, ъ, ѣ, съ варіаціями въ зависмости отъ открытости и закрытости слога, при чемъ въ закрытыхъ слогахъ та и другая категоріи нѣсколько укорачиваются (Шарафъ, работавшій въ Кабинетѣ

¹ Сообщеніе, сдѣланное 10 января 1919 г. на мусульманской орографической конференціи въ Казани.

экспериментальной фонетики при Казанскомъ Университетѣ, опредѣляя экспериментально степень длительности татарскихъ гласныхъ въ односложныхъ словахъ и получилъ результаты, подтверждающіе данное наблюденіе). Въ русскомъ языкѣ ударяемые гласные имѣютъ приблизительно одну и ту же длительность, варьируя лишь въ открытыхъ и закрытыхъ слогахъ.

2) Съ *качественной* стороны о перечисленныхъ гласныхъ татарскаго языка можно замѣтить слѣдующее:

Татарское *a* въ отношеніи *физиологическомъ* требуетъ задне-язычной артикуляціи, которая совершается гораздо глубже по сравненію съ соответствующимъ русскимъ гласнымъ; въ связи съ этимъ, татарскій гласный со стороны *акустической*, въ оцѣнкѣ русскаго слуха, имѣетъ наклонъ къ *o* (*â*) въ отличіи отъ русскаго *a* и слышится болѣе заднимъ (впрочемъ въ разной степени, смотря по діалекту); экспериментальное изслѣдованіе того и другого гласнаго въ отношеніи ротоваго резонансоваго тона даетъ вполне согласное показаніе: резонансовый тонъ татарскаго гласнаго ниже русскаго почти на два тона. При выговариваніи татаринномъ русскихъ словъ ударяемое *a* естественно субституируется этимъ природнымъ болѣе глубокимъ гласнымъ, напр., луг^â = «луга» (также въ слогѣ первомъ передъ удареніемъ, с^âды = «сады»). Такъ какъ звуковая система каждаго языка представляетъ не простое собраніе звуковъ, но гармонически связанное цѣлое, то вполне естественно, что тѣ или нныя свойства гласныхъ могутъ быть родственны со свойствами звуковъ согласныхъ; полагаю, что только-что указанная особенность физиологическая и акустическая гласнаго *a* (*â*) можетъ находиться въ связи съ болѣе глубокимъ произношеніемъ татарскаго *k* (*k̄*).

Татарскій гласный *ä* значительно шире русскаго открытаго *э*; въ связи съ этимъ русскіе при заимствованіи татарскихъ словъ, содержащихъ гласный *ä*, нерѣдко субституируютъ его посредствомъ гласнаго *'a* (т. е. *a* съ мягкостью предшествующаго согласнаго). Такъ какъ, далѣе, въ самомъ татарскомъ языкѣ степень открытости гласнаго *ä* діалектически варьируетъ, то въ зависимости отъ этого ученики татарскихъ школъ не все легко научаются произносить русское широкое *э*, произнося его не одинаково (одни болѣе, другіе же менѣе) открыто.

Относительно другихъ долгихъ гласныхъ, т. е. *i*, *y*, *ü*, *ы* замѣчу, что на мой слухъ они являются простыми гласными, а не дифтонгами; только *ы* иногда представляетъ дифтонгообразный отгѣнокъ, суживаясь къ концу. Гласный *ü* діалектически имѣетъ варіаціи вслѣдствіе нѣкотораго приближенія къ нюансу *i* (*y¹*).

Что касается кратких гласных i , y , то все мои записи согласно показывают, что русскому уху в обоих случаях слышится i или y с оттенком ε (i° , y°), т. е. эти гласные не являются вполне узкими, но с наклоном к средним; именно этот нюанс (в моих записях иногда встречается даже обозначение через простое ε) и нужно признать характерною чертою данных гласных. В некоторых случаях вместо нюанса y° выступает оттенок y° ; это, напр., между $л$ и $к$ в словѣ балы^к «рыба».

Гласные o и $\ddot{o}$ также представляют наклон к средним по открытости гласным, могущим стоять в связи с их малою либализацией; в моих записях они обычно передаются начертанием $\ddot{u}$ без палатализации или же с палатализацией.

Къ сказанному прибавлю, что при заимствованіи русских словъ въ татарскій языкъ русскіе ударяемые i и y нерѣдко субституируются через $\ddot{i}$ и o , что я ставлю въ связь съ соотношеніемъ по длительности ударяемых гласных звуковъ въ этихъ языкахъ, срв. произношеніе: двѣ жу = «движу», нѣ ва = «нива», пот = «пудъ». Такая субституція по моему мнѣнію вызывается тѣмъ, что русскіе ударяемые гласные болѣе подходят въ отношеніи длительности къ татарскимъ гласнымъ съ меньшею длительностью, т. е. краткимъ. Съ другой стороны, наблюдается часто обратная субституція, именно русскихъ o и ε черезъ y и i , напр., свуй = «свой», сунца = «солнце», врѣмя = «время» и т. п.; отчасти это можетъ быть слѣдствіемъ предшествующаго, ибо только эти гласные и остаются для отличія въ передачѣ русскихъ среднихъ гласныхъ o и ε отъ узкихъ (срв. въ части сѣв.-вост. говоронъ замѣну $ч$ черезъ $ц$, а $ц$ черезъ $ч$); но кромѣ того здѣсь участвуютъ въ большой мѣрѣ и требованія тюркской гармоніи гласныхъ, срв., напр. луга = «луга», гдѣ ударяемое и потому устойчивое конечное a легко можетъ уживаться съ y (но не съ o) въ начальномъ слогѣ. Аналогичныя замѣны наблюдаются и въ русскомъ письмѣ учениковъ-татаръ, напр., мело = «мѣлу», ридкый = «рѣдкій» и т. п.; въ этихъ случаяхъ я достигалъ хорошихъ результатовъ, произнося рядомъ гласные ε и i , o и y въ связи съ ихъ обозначеніемъ и такимъ образомъ доводилъ учениковъ до умѣнья правильно пользоваться начертаніями $e \parallel u$, $o \parallel y$.

3) Въ татарскомъ языкѣ имѣются суживающіеся *дифтонги*, напр. ау, ай, естественно произносящіеся однимъ (а не двумя) толчкомъ воздуха изъ груди, при чемъ узкіе ихъ компоненты въ зависимости отъ открытости и закрытости слога и отъ положенія относительно ударенія, могутъ варіировать по степени редукціи и въ своемъ качествѣ, клоня болѣе или къ полугласнымъ, или же къ спирантамъ (особенно дифтонги на i).

4) Весьма характерною для произношенія татарскихъ гласныхъ является та черта, что они, начиная слово, имѣютъ *аттакированное* произношеніе (*hamza*): это послѣднее состоитъ въ томъ, что звучанію гласнаго предшествуетъ взрывъ предварительно сомкнутыхъ голосовыхъ связокъ, тогда какъ, напр., въ русскомъ языкѣ звучанія гласнаго начинается уже на пути къ смычкѣ голосовыхъ связокъ (впрочемъ, иногда атакированное произношеніе слышится и въ русскомъ языкѣ, напр., въ частицѣ «эх!» и нѣкоторыхъ другихъ). Такимъ образомъ, звукъ атакирования (*hamza*) можетъ разсматриваться какъ взрывной согласный гортани; онъ встрѣчается и въ нѣкоторыхъ европейскихъ языкахъ, напр., въ немецкомъ (срв. *aber* и т. п.), и обычно ничѣмъ не отмѣчается въ орфографіи, являясь необходимымъ элементомъ національнаго произношенія; въ нѣкоторыхъ языкахъ (напр., датскомъ, діалектически — литовскомъ и латышскомъ) *hamza* встрѣчается внутри гласнаго, производя въ немъ перерывъ звучанія, а въ татарскомъ иногда въ концѣ гласнаго въ видѣ моментальной смычки и происходящей отсюда моментальной остановки звучанія голосовой щели, напр., въ дѣтскомъ словѣ ма'май; французское «*h aspiré*» есть нечто иное, какъ *hamza* (напр., *la hache*). Необходимо однако помнить о возможности указываемыхъ послѣдователями варіацій въ самой природѣ атакированнаго произношенія гласныхъ (напр., въ видѣ затиханія, а не полного перерыва внутри гласнаго).

б) Неударяемые гласные.

Ослабленіе неударяемыхъ гласныхъ въ татарскомъ языкѣ представляетъ варіаціи по степени, стоящія въ связи съ существованіемъ самостоятельной долготы и краткости гласныхъ ударяемыхъ, а именно въ одномъ и томъ же слабомъ неударяемомъ положеніи долгіе гласные сохраняются въ видѣ средней или же краткой длительности, тогда какъ краткіе становятся весьма краткими и мимолетными и способны даже исчезать, срв. *бабі*, но уже — *т ра́мъ* (отъ «тор»). Если мы будемъ посредствомъ цифръ означать по слуху степень вѣса гласныхъ въ словахъ двусложныхъ (конечно — съ удареніемъ на концѣ, по свойству антропофоническаго строенія татарскихъ словъ), то будемъ имѣть слѣдующія варіаціи¹:

¹ Указываемыя варіаціи при ослабленіи татарскаго неударяемаго вокализма весьма поучительны для пониманія такого же процесса въ аrio-европейскомъ правнѣкѣ, гдѣ тоже существовало различіе въ ослабленіи долгихъ и краткихъ гласныхъ.

- 1) 1 | 2: баба, ката;
- 2) $\frac{1}{2}$ (или $\ominus$) | 2: трам;
- 3) $1\frac{1}{2}$ | 1: тішік¹;
- 4) $\frac{1}{2}$ | 1: сїлїк.

Подобнаго рода варіаціи будуть также въ словахъ трехсложныхъ и четырехсложныхъ; я приведу примѣры лишь съ гласнымъ а:

- 5) $1\frac{1}{2}$ | 1 | 2: кәрәмәк, катада;
- 6) 1 | $1\frac{1}{2}$ | 1 | 2: манараці.

Примѣчаніе. Мои экспериментальныя данныя относительно перваго случая вполне согласуются съ указаннымъ по слуху относительнымъ вѣсомъ гласныхъ, но въ отношеніи пятаго случая (слово катада) представляютъ колебаніе въ «длительности» обоихъ предъударныхъ слоговъ, какъ это видно изъ слѣдующихъ цифръ, представляющихъ сотыя доли секунды: 10 | 7 | 32, но и 8 | 10 | 28.

Въ тѣхъ неударяемыхъ положеніяхъ, которыя мы обозначали цифрою единицею (или $\frac{1}{2}$) возможно ослабленіе до степени мимолетныхъ и даже до нуля тѣхъ гласныхъ, которые являются краткими по природѣ, напр., сїлїк «тряси» || сїлїкїт «заставь трясти», при чемъ во второмъ словѣ, которое изъ трехсложнаго стало двусложнымъ, гласный і начального слога передъ *л* можетъ затѣмъ ослабляться до степени минимальнаго (сїлїкїт) и даже совсѣмъ исчезнуть, и тогда *л* становится «слогообразующимъ» (l); иногда слогообразующіе согласные появляются и помимо исчезновенія гласныхъ, просто вслѣдствіе накопленія согласныхъ, срв. аутмїнн. Здѣсь мы видимъ, какъ обычное представленіе о слоговомъ составѣ словъ оказывается недостаточнымъ, какъ скоро мы обращаемся къ живому произношенію: здѣсь мы наблюдаемъ не только опредѣленные слоги, но и полуслоги и даже лишь намекъ на слоги, относительно которыхъ не всегда можемъ сказать, имѣютъ ли они вѣкоторую самостоятельность, или же только прислониются къ сосѣднему слогу, не неся особой слоговой функціи, сравни мїнїям || мїнїям || мнїям «лѣзу», сїлїкїт || сїлїкїт || сїлїкїт (вмѣстѣ съ тѣмъ мы

¹ Приведу наблюденіе надъ произношеніемъ данного слога, произведенное надъ ученикомъ Казан. тат. учит. школы: «оба слога произносить на одной и той же высотѣ, но первый слогъ продолжительнѣе, второй—очень кратокъ, и въ то же время первый слогъ не такъ энергиченъ, какъ второй; въ этихъ свойствахъ я вижу причину того, что ученикъ затруднялся опредѣлить мѣсто ударенія въ данномъ словѣ».

убѣждаемся, какъ различіе между такъ называемыми слоговыми и неслоговыми звуками въ дѣйствительности нерѣдко теряется). Что касается *орфографіи минимальныхъ гласныхъ*, то, напр., въ русскомъ правописаніи они обозначаются согласно морфологическому принципу, срв. г²дѣвој = ороографіи «годовой» (по аналогіи къ слову «годъ»). Этотъ принципъ примѣнимъ и къ татарской орфографіи: въ такихъ случаяхъ обычно приходится обращаться въ именахъ къ формѣ II. ед., а въ глаголахъ — къ 2 ед. повел. накл. протого глагола.

Отмѣченное явленіе минимальныхъ гласныхъ имѣетъ важное значеніе для уясненія природы *гармоніи* гласныхъ въ современномъ татарскомъ языкѣ: несмотря на то, что корневой гласный въ извѣстныхъ фонетическихъ условіяхъ почти исчезъ или даже исчезъ и, слѣдовательно, уже не способенъ оказывать вліяніе, тѣмъ не менѣе гармонія гласныхъ въ аффиксахъ выдерживается. Ясно, что здѣсь причина, породившая гармонію аффиксовъ, уже не существуетъ болѣе въ языкѣ, и гармонія гласныхъ такимъ образомъ является въ настоящее время лишь «чередованіемъ» гласныхъ, опирающимся на приобретаемой съ дѣтства *привычку къ ассоціаціи извѣстныхъ отношеній* между гласными аффиксовъ и корневыми. Поэтому ошибочно утверждаютъ, будто въ современномъ языкѣ совершается «измѣненіе», подъ вліяніемъ гармоніи, напр., аффикса *лар* на — *lär* и т. п.; такое измѣненіе рѣшительно не ощущается органами произношенія во рту, оно и не существуетъ, ибо говорящій въ силу привычки прямо примѣняетъ ту или иную разновидность аффикса въ связи съ наличностью опредѣленныхъ гласныхъ въ корнѣ, но не мѣняетъ въ моментъ рѣчи одну разновидность на другую. Такимъ образомъ, здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ «процессомъ измѣненія», а лишь съ унаслѣдованнымъ чередованіемъ звуковъ, причина котораго лежитъ въ болѣе или менѣе отдаленномъ прошломъ (отмѣчаемая тенденція видѣтъ въ чередованіи самый процессъ измѣненія, въ дѣйствительности лежащій въ прошломъ, представляетъ одну изъ весьма распространенныхъ методологическихъ ошибокъ). Смотря такъ на гармонію гласныхъ, можно понять и то обстоятельство, что корневые краткіе гласные *ө* и *ө*, сами слабо лябиализованные, являются однако весьма сильными гармоническими ассимиляторами сравнительно съ *y* и *ÿ* въ современномъ татарскомъ. Дѣло въ томъ, что, судя по урихайскимъ соотвѣтствіямъ, представляющимъ въ первомъ случаѣ *y* и *ÿ*, а во второмъ *o* и *ö*, и принимая урихайскую фазу за болѣе древнюю, мы приходимъ къ заключенію, что гармоническое вліяніе казанско-татарскихъ *ө* и *ө* восходитъ своимъ началомъ къ тому времени, когда вмѣсто этихъ гласныхъ произносились *y* и *ÿ*, т. е. наиболѣе лябили-

зованные гласные. Въ настоящее же время гласные *o* и *ö* находятся уже на пути къ потерѣ лябиализаціи, по то, что когда-то предшественниками этихъ гласныхъ было вызвано, продолжается въ языкѣ (вообще, въ жизни языковъ это — нерѣдкое явленіе, что причина, вызвавшая явленіе, уже утрачена, но вызванное ею явленіе продолжаетъ жить).

Если мы спросимъ себя, гдѣ же искать основанія для всей тюркской гармоніи гласныхъ вообще, имѣющей притомъ непремѣнно прогрессивное направленіе, то нужно принять, что основаніе это заключается въ морфологическомъ строѣ этихъ языковъ, а именно — въ полномъ отсутствіи префиксовъ и въ наличности лишь аффиксовъ, всегда идущихъ за корнемъ, этою главною морфемою корня, гласный же корня опредѣляетъ значеніе послѣдняго въ отличіи отъ созвучныхъ корней, имѣющихъ другой гласный (срв., напр., совершенно различные корни: ат, іт, ут, от, ѳт, іт или — кат, кѳт, кіт, кѳт, кѳт, кѳт и т. п.), а потому корневому гласному въ такихъ столь частыхъ въ татарскомъ языкѣ случаяхъ принадлежитъ, такъ сказать, семазіологическая устойчивость, которая въ свою очередь обуславливаетъ устойчивость корневого гласнаго и въ произношеніи, т. е. относительную его неизмѣняемость и гармоническое подчиненіе ему аффиксовъ¹.

Между тѣмъ въ аріо-европейскихъ языкахъ аффиксы не только слѣдуютъ за корнемъ, но и предшествуютъ ему, и еще въ праязыковое время во многихъ случаяхъ путемъ морфологическаго опрощенія сливались съ корнемъ, тѣмъ давая начало новымъ корнямъ; указанная особенность морфологическаго строя аріо-европейскихъ языковъ совершенно не благопріятствовала, въ отличіи отъ тюркскихъ, возникновенію прогрессивной гармоніи гласныхъ². Правда, и въ аріо-европейскихъ языкахъ встрѣчается явленіе гармонической ассимиляціи гласныхъ, но таковая въ нихъ такъ или иначе

¹ Возможно, что первоначально въ пратюркскомъ главное удареніе въ формахъ словъ приходилось всегда на корневомъ слогѣ, и къ этимъ именно временамъ нужно относить зарожденіе гармоніи гласныхъ; лишь позже формально-флексійные элементы стали перетягивать на себя главное удареніе подобно тому, какъ въ аріо-европейскомъ языковомъ семействѣ наблюдается нерѣдкое перемѣщеніе ударенія на передніе формальные элементы, какъ, напр., на аугментъ (скт. и греч.) весьма часто на префиксы и предлоги и т. п. Побочное удареніе на начальномъ слогѣ въ татарскомъ въ такихъ случаяхъ, какъ *kārämäk*, можетъ оказаться отголоскомъ первоначальнаго главнаго ударенія.

² Между тѣмъ какъ въ аріо-европейскихъ языкахъ идеи аффиксовъ вливаются въ умъ говорящаго частью ранѣе идеи корня, а частью послѣдъ за нею, въ тюркскихъ языкахъ онѣ всегда слѣдуютъ за идеей главной морфемы или корня, что и обусловило — какъ мы разъяснили — господство прогрессивнаго направленія ассимиляціи въ этихъ послѣднихъ языкахъ.

связана съ положеніемъ гласнаго относительно ударенія, нося такимъ образомъ чисто фонетическій, а не морфологическій характеръ (срв. въ народныхъ говорахъ Казанской губ. произношеніе — зободёт, сомовар и т. п.).

Гармонія гласныхъ настолько проникаетъ строй татарскаго языка, что подчиняетъ себѣ и заимствуемыя русскія слова; она сказывается также въ ошибкахъ учениковъ-татаръ на урокахъ русской диктовки.

в) Согласные звуки.

1) Въ области согласныхъ звуковъ прежде всего отмѣчу относительно слабую артикуляцію *звонкихъ взрывныхъ* по сравненію съ соответствующими русскими согласными. Такъ, татарское *б* діалектически, отчасти и индивидуально, въ нѣкоторыхъ положеніяхъ почти не отличимо отъ губно-губного *в*; напримѣръ, въ словахъ *сібѣм*, «сею», *убѣм*, «цѣлюю» у лица казанскаго происхожденія слышалось мнѣ то *в*, то *б* (въ моихъ записяхъ этотъ звукъ переданъ черезъ $\frac{b}{v}$ или $\frac{b}{v}$). Такое произношеніе происходило отъ того, что данное лицо то вполне сжимало губы, то только приближало. Подобное недожиданіе органовъ произношенія естественно связывается съ укороченіемъ артикуляціи. И дѣйствительно, мои экспериментально-фонетическія изслѣдованія констатируютъ значительно бѣльшую краткость татарскаго *б* сравнительно съ русскимъ, напримѣръ, въ словѣ *баба*. Въ области же глубокаго ряда задне-язычныхъ согласныхъ глухому взрывному *к* соответствуетъ уже прямо звонкій спирантъ *ç*.

2) Изъ глухихъ взрывныхъ слабую смычку имѣетъ категорія *слитныхъ* согласныхъ. Для подтвержденія этого мы находимъ обоюдныя доказательства, т. е. въ попыткахъ произнесенія русскихъ *ч* и *щ* татариномъ и татарскаго *ч* русскимъ. Такъ, я, напримѣръ, обычно вмѣсто татарскаго *ч* подставляю русское, и слушатели изъ татаръ указываютъ, что я произношу неправильно (напримѣръ, въ числительномъ *о́ч* «три»): ухо татарина въ моемъ произношеніи слышитъ какъ бы лишнее *т* въ началѣ *ч*. Наоборотъ, русскій слышитъ въ устахъ татарина въ данныхъ звукахъ преобладаніе спиранта; напримѣръ, относительно словъ «цвѣткахъ», «конца» замѣчено въ моихъ матеріалахъ: слабое скатіе, вслѣдствіе чего взрывной элементъ слышится слабо и преобладаетъ придумной, а нѣкоторые произносятъ просто *с*. Само собою разумѣется, что сказанное применимо и къ произношенію звонкаго татарскаго *ç* (^лж')=башк. *j*. Попутно отмѣчу, что діалектически вм. *ч* и *щ* можно наблюдать и просто мягкіе спиранты *ш'* *ж'*, вмѣсто

которых встрѣчаются и свистящія рефлексы с' и з' (ʃ:ʒ), съ чѣмъ можно сопоставить весьма обычное въ аrio-европейскихъ языкахъ діалектическое чередованіе шипящихъ и свистящихъ разновидностей; всѣ эти варіаціи произношенія, встрѣчаемыя въ разныхъ уѣздахъ Казанской губерніи, заслуживаютъ тщательнаго изслѣдованія, между прочимъ по вопросу, существуетъ ли параллелизмъ этихъ вариантовъ одновременно для глухой и звонкой фонемы (сравни іч «пей» || іш' || іс'; жіл «вѣтеръ» || ціл || 'з'іл || ж'іл || з'іл)¹.

3) *Аккомодация согласныхъ* имѣетъ прогрессивное направленіе (сравни атка, ідіняр), какъ и гармонія гласныхъ, точно также объяснимое сема-биологическою устойчивостью конечнаго согласнаго въ корняхъ и происхо-дищею отсюда относительною его неизмѣняемостью². Такое направленіе аккомодации стало настолько господствующимъ, что обнаруживается и внутри самого корня во *вліяніи налятальнаго гласнаго на слѣдующій согласный*, приобретающій нѣкоторую полумягкость, напримѣръ, бяр, біи, күл, кōл и т. п., между тѣмъ какъ въ русскомъ языкѣ господствуетъ обратное направленіе, сравни м'эр, м'ір. Вслѣдствіе указанной разницы, при выговариваніи татаринномъ русскихъ словъ проявляется тенденція произносить налятальные слоги С^т-V^т съ нѣкоторою твердостью (напр., бэ, вэ, сэ и т. п.) и переносить мягкость на слѣдующій согласный, напр. м'ір, что сказывается и въ ученическихъ ошибкахъ при написаніи русскихъ словъ, сравни «*ходятъ*» (=ходить). Съ другой стороны, русскому не привычно твердое произношеніе подобныхъ налятальныхъ слоговъ, и, напр., при выговариваніи татарскаго аффикса мāk согласный м въ устахъ русскаго получаетъ нѣкоторую мягкость, тогда какъ конечное к произносится совсѣмъ безъ мягкости, вслѣдствіе чего такое произношеніе уху татарина представляется неправильнымъ; для правильнаго произнесенія даннаго аффикса русскій долженъ произнести согласный м твердымъ и отъ него перейти къ налятальному гласному ä, конечному же согласному придать нѣкоторую налятальность. Оцѣнивая степень смягченія согласныхъ въ татарскомъ языкѣ, нельзя не отмѣтить, что разныя категорія представляютъ неодинаковую смягчаемость: наибольшую—плавные л и р и носовой н, меньшую—т, д, ш, а еще меньшую—губные; несмотря однако на разную степень смягченія

¹ Въ Казан. тат. учит. школѣ мнѣ приходилось наблюдать у учениковъ процессъ діалектическаго вычлѣнения; такъ, напр., одинъ ученикъ произносилъ жір «земля», тогда какъ другіе выговаривали жір; когда я его переспросилъ, то онъ уже произнесъ жір.

² При *книжномъ вліяніи* начальный согласный аффикса можетъ произноситься и безъ удвоенія конечному согласному корня, напр., балдкѣа || балдкѣа «рыбѣ».

разныхъ согласныхъ, тѣмъ не менѣе въ татарскомъ языкѣ существуетъ «грамматическій» параллелизмъ въ чередованіи твердой и мягкой (полумягкой) разновидности согласныхъ. Интересно отмѣтить, что татарское глубокое *k* умягчается не только подъ вліяніемъ предшествующаго палятальнаго гласнаго въ закрытомъ слогѣ, но и передъ такимъ гласнымъ; по поводу этой особенности нужно указать, что и въ арію-европейскихъ языкахъ категорія задне-язычныхъ согласныхъ подвергается смягчающему вліянію не только послѣдующихъ, но и предшествующихъ палятальныхъ гласныхъ, какъ, напр., въ германской и славянской языковыхъ областяхъ.

4) Наконецъ укажемъ, что многія *группы согласныхъ* въ русскихъ словахъ представляютъ трудность для произнесенія ихъ татаршномъ, и онъ обычно передъ начальною группою произноситъ мимолетный гласный типа *ъ = ѣ* (частью послѣ перваго согласнаго группы), а во внутреннюю или конечную группу вноситъ такой же переходный элементъ; напр.: *ʷ*гѳоротъ «въ городъ», *ʷ*вѳашню «въ башню», *ʷ*фѳбл'э «въ поле», *ʷ*вѳѳду «въ воду», *ʷ*сѳѳѳкој «съ сивкой» (въ словахъ, начинающихся со спиранта съ послѣдующимъ взрывнымъ, а также — съ двойного или сильнаго спиранта); *вʷ*слухъ «вслухъ», *вʷ*зглѳтъ «взглядъ» (въ группахъ, начинающихся со спиранта, но состоящихъ болѣе чѣмъ изъ двухъ согласныхъ); *kʷ*намъ «къ намъ» (группа начинается съ взрывнаго согласнаго); *вѳлʷ*k «волкъ» и т. п. Передъ начальною звонкою группою мимолетный гласный можетъ редуцироваться до степени атакированнаго произношенія группы (т. е. до степени hamza), напр., *ʷ*вѳѳѳвѳа, хотя такое произношеніе выступаетъ неодинаково замѣтно у одного и того же лица.

Приложение 1-ое.

М. И. Бергъ, состоящая ассистентомъ при университетскомъ кабинетѣ экспериментальной фонетики въ Казани, изслѣдовала резонансовые тоны полости рта для татарскихъ гласныхъ, по методу «воздушной струи»¹, въ произношеніи Дж. Ш. Шарфа и получила слѣдующіе результаты, представляемые далѣе въ нотной транскрипціи (первая нотная строчка съ вариантами для гласныхъ въ отдѣльности была получена въ самомъ началѣ, когда испытуемый не навѣкъ еще придавать органамъ произношенія укладъ однообразный и естественный; двойныя ноты этой и пятой строки, т. е. для гласныхъ въ отдѣльности и въ звукоочетаніи, обозначаютъ именно варианты высоты резонансового тона; какъ видно изъ обозначенія, всѣ ноты слѣдуетъ читать октавою выше):

Отдѣльные гласные:

S.....

y o a ы ы ü, ö, ä, j i

Гласные по-парно:

S.....

y-o o-a a-ы ы-y y-ö ö-ä ä-j

S.....

j-ä ä-ö ö-y y-ы ы-a a-o o-y

Отдѣльные гласные:

S.....

y o a ы ü ö ä j i

Индиф. укладъ полуоткр. рта

¹ См. Изв. отд. Рус. яз. и слов. Акад. Наукъ, т. XXII (1917), кн. 1; Р. Ф. В. 1914 № 1, стр. 171—173, 1915 № 1 стр. 76—81.

Гласные въ сочетаніи съ послѣдующимъ *m*:

s.....

у^т   о^т   а^т   ѣ^т   ѣ^г   а^т   ѳ^т   і^т

Detailed description: A musical staff in G-clef with a key signature of one flat (B-flat). The notes are: G4 (with a slur and 's' above), F4 (with a slur and 's' above), E4 (with a slur and 's' above), D4 (with a slur and 's' above), C4 (with a slur and 's' above), B3 (with a slur and 's' above), A3 (with a slur and 's' above), G3 (with a slur and 's' above). Below the staff are the Cyrillic syllables: у^т, о^т, а^т, ѣ^т, ѣ^г, а^т, ѳ^т, і^т.

Слово:

s.....

а   л (л)   ы   (м)

glissando книзу до неопредѣленной ноты.

Detailed description: A musical staff in G-clef with a key signature of one flat (B-flat). The notes are: G4 (with a slur and 's' above), F4 (with a slur and 's' above), E4 (with a slur and 's' above), D4 (with a slur and 's' above), C4 (with a slur and 's' above), B3 (with a slur and 's' above), A3 (with a slur and 's' above), G3 (with a slur and 's' above). Below the staff are the Cyrillic syllables: а, л (л), ы, (м). To the right of the staff, the text reads: *glissando* книзу до неопредѣленной ноты.

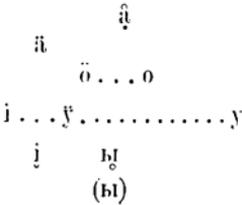
Представленные данныя привели г-жу Бергъ къ слѣдующимъ выводамъ:

- 1) Всѣ гласные въ отдѣльномъ произношеніи удобно дѣлятся по своему резонансовому тону на четыре группы: а) очень низкій тонъ (у); б) средне-низкій (о, а, ѳ); в) средне-высокій, при смягченныхъ гласныхъ (ѣ, ѳ, ѣ, і); г) самый высокій (і);
- 2) Въ гласныхъ, произносимыхъ по-парно, замѣтна тенденція къ взаимному удобо-бленію какъ въ восходящемъ рядѣ, такъ и въ нисходящемъ;
- 3) Въ сочетаніяхъ гласныхъ съ согласнымъ *m* резонансовый тонъ низкихъ и средне-низкихъ гласныхъ повышается сравнительно съ гласными въ отдѣльномъ произношеніи, остальные же гласные почти не измѣнены.

Приложение 2-ое.

Систему казанско-татарских ударных гласных для большей наглядности их артикуляционных мест в полости рта мы представим табellarно трояким образом — в видѣ треугольника (старый способ), четырехгольника (англ.) и, наконец, в видѣ сагиттального разрѣза полости рта (при чемъ оговоримся, что мы даемъ лишь приблизительно артикуляционное распрежденіе гласныхъ, которое можетъ такъ или иначе видоизмѣниться при экспериментальномъ изученіи вопроса):

а) вѣ видѣ треугольника:

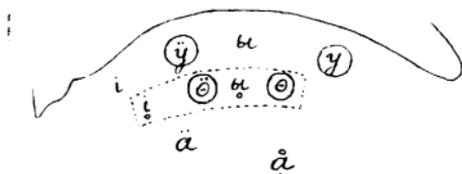
Изъ таблицы не трудно усмотрѣть, что вѣ губномъ ряду нѣтъ звука, которое отвѣчало бы гласному *ä* нилитального ряда. Вѣ скобкахъ поставленъ сравнительно рѣдкій звукъ — чистое *ı*.

б) вѣ видѣ четырехгольника:

		перед.	переход.	задн.	перед.	переход.	задн.	
верх.	{	i	(ı)		ȳ		y	
		ı̄	ı̄		ö	o		
сред.	{	ä						
низ.							ǟ	
				безъ лѣбиализаціи				съ лѣбиализаціей.

Какъ показываетъ таблица, краткіе гласные (т. е. *i*, *ı̄*, *ö*, *o*) образуютъ особую зону вѣ верхнемъ ряду, болѣе открытую сравнительно съ некраткими узкими и нѣсколько отличную отъ нихъ по своему мѣсту на передне-заднемъ діаметрѣ. Срв. аналогичныя различія вѣ нѣкоторыхъ европейскихъ языкахъ, напр. нѣмецкомъ.

в) въ видѣ сагиттальнаго разрѣза полости рта:

На рисункѣ кружками обозначена лобіализованность соответствующихъ гласныхъ, а пунктиромъ обведена зона краткихъ гласныхъ.